

Марат Гизатулин

**Всё, что
исхожено...**

Марат Гизатулин

Всё, что исхожено...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17208350
ISBN 9785447452605*

Аннотация

...Настолько мастерски и ненатужно работает с темами и словом Марат Гизатулин, что, кажется, знаком с ним давным-давно и рад каждой новой встрече... ...И, как надёжно срабатывающий инстинкт самосохранения, включается система самоиронии... ...рассказики получаются легкими, веселыми и... полезными для нервной системы. Как писателя, так и читателей, которым всячески рекомендуется обращаться к искромётному творчеству Марата Гизатулина.
Литературная газета от 16.06.2010

Содержание

Уж ты сад, ты мой сад	5
Царский фрукт	5
Я садовод	14
Уроки садоводства	31
О воде	36
Харам	43
Мичурин	51
Фикус	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Всё, что исхожено...

Марат Гизатулин

© Марат Гизатулин, 2016

Редактор Наталья Владимировна Торбенкова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уж ты сад, ты мой сад

Царский фрукт

Здесь у нас участочек небольшой вокруг дома, сотки четыре всего, но я его так обсадил всякими растениями, что местные жители на экскурсию приходят. И ведь всё кололится, всё плодоносит, причем с первого года! Не могу удержаться, чтобы не перечислить все свои посадки, но – только плодовые, названий остальных я, как правило, не знаю.

Итак, с четырёх соток я собираю урожай: лимонов, апельсинов, мандаринов, лаймов, памело и кумкватов (это всё цитрусовые). Конечно, яблоки, груши, персики, сливы, абрикосы. А ещё виноград шести сортов. А ещё мушмула, киви, инжир, хурма...

Вспомнил про инжир и не могу не остановиться на любимом фрукте чуточку подробнее.

Года два назад я тут бесхозное дерево случайно обнаружил. Инжир, или, как говорят англичане, фи́га, или, как говорят местные жители греческого происхождения, сига. А в Черногории, помнится, его смоквой называли. (Да уж, в некоторых словах я просто полиглот.)

Фрукт этот универсальный. Недаром ещё в Библии говорится, что Ева, вкусивши эту прелесть, его же листиком

и свою прелесть прикрыла. Там же есть легенда о том, как смоква стала царём среди всех деревьев. И я, хоть и не могу разделить все постулаты названного книжного творения, здесь целиком и полностью согласен – это царский фрукт. А ещё он очень при кашле помогает, если в виде варенья его употреблять с горячим молоком.

Глянул про свой любимый фрукт в интернете и обнаружил вот что:

Для того чтобы образовались соплодия (фиги), на участке среди женских экземпляров обязательно должны быть мужские деревья. Обычно на сотню женских деревьев равномерно высаживают 5—6 мужских особей, которые используются в основном как опылители.

И в подтверждение приводится занимательная легенда:

Рассказывают, что некий купец не знал об этом и попал впросак. Проведав, что торговля инжиром – дело прибыльное, он приобрёл большой фиговый сад. Его конкурент, хитрый и завистливый, решил навредить ему. В разгар уборки урожая он зашёл к купцу и сделал удивлённый вид: «Зачем ты держишь в своём саду эти бесполезные деревья? Только место занимают, а плодов не дают. Я уже давно избавился от них у себя». Малоопытный в растениеводстве купец побежал за топором и вырубил «бесполезные» деревья.

Когда же через год пришло время сбора урожая, в его саду убирать было нечего. Так повторилось несколько раз, пока недалёкий купец не вырубил весь сад.

Здесь я должен с полной ответственностью заявить – враньё всё это. У меня в саду сидит деревце инжира, единственное на весь наш аул, и само оно от горшка – два вершка, а ничего, плодоносит. Пока немного, правда, штук по сто плодов даёт.

А то дерево, о котором я начал рассказывать, в радиусе трёхсот метров вообще никаких деревьев-соседей не имеет.

Причём, нашёл я его недалеко от собственного дома. Огромное дерево, крона метров пятнадцать в диаметре. Ну, хорошо, пусть будет десять. Но больше ни сантиметра не уступлю. Разве мог советский человек пройти мимо такого сокровища? Не мог, тем более что здесь инжир на рынке четыре-пять евро стоит за килограмм, а в магазине и во-все шесть. Но, если честно, кроме экономических соображений, меня к набегам на это дерево подвигло ещё и то, что я не могу равнодушно смотреть, как прекрасные фрукты падают и гниют, никем не востребованные. А на Кипре это сплошь и рядом – под апельсиновыми, мандариновыми деревьями, под хурмой и под гигантским кактусом-опунцией – ковёр из гниющих плодов. И никому до этого безобразия дела нет, в том числе и хозяину плантаций.

С тех пор, как я познакомился с гигантским инжирным

деревом, с октября по декабрь включительно я хожу вокруг него, как пушкинский кот вокруг известного дуба. Только вместо золотой цепи на моем дереве фрукты. В каком-то невероятном количестве. В первый раз я набрал килограммов десять, и мы всей семьёй так объелись сладкими плодами, что потом чай пили без сахара. Потом стал собирать понемногу, килограмма по три-четыре. Домашние его не доедали, и инжир портился. Тогда я стал собирать килограммов по шесть-семь и из несъеденного варил варенье. Инжир ведь ещё чем замечателен – он зреет постепенно. Собрал ты две сумки, и вроде больше ничего не осталось, остальное – зелёное, а через пару дней приходишь и снова две сумки собираешь. И так в течение двух, а то и трёх месяцев.

Я, правда, проговорился, выдал своё тайное дерево знакомым. Но они не нанесли большого урона моей плантации. Они один раз приехали, собрали штук десять-двадцать плодов, но им показалось трудным и небезопасным это занятие. Там, говорят, вокруг всякие колючки растут, рвут одежду и человеческую плоть. Надо же, а я не замечал! Правда, сам каждый раз прихожу домой после сбора урожая весь в крови, но это потому, что, когда чем-то увлечён, не вижу ничего вокруг. И жена моя удивляется, как же это я так зверски расцарапал все руки и ноги и не почувствовал? А на то я и советский человек!

...Ну, ладно, оставим мой любимый инжир в покое, я ведь

ещё манго с гранатами чуть не забыл упомянуть! А ещё бахчевые всякие, типа арбузов, дынь, тыкв и помидоров, перечислением которых не буду утомлять читателя.

За неимением в саду достаточного места пришлось уставить горшками с растениями все веранды, коих, на счастье, у нас в доме целых шесть, и не таких, как в Москве, а таких, что по ним на велосипеде ездить можно. Это при выборе дома у меня главным критерием было – наличие множества огромных веранд. Вырос я в Узбекистане и знал, что в тёплых странах основное время человек проводит не в доме, а на улице. Там он завтракает, обедает и ужинает, а это, согласитесь, занимает если и не основное время, то уж, во всяком случае, приятное. Я тогда так увлёкся верандами, что все остальные помещения в нашем доме оказались маленькими и тесными. Когда же от моих горшков и горшочков и на верандах стало трудно ходить, жена взроптала, и тогда я обратил свой пыливый взор за забор нашей фазендочки. За забором, насколько хватало моего не слишком качественного взора, лежала бескрайняя и бесхозная степь. Недолго поразмыслив, я перелез через забор и стал втыкать в степь саженцы разных деревьев, на которые не хватило места в моём саду.

Законопослушные соседи-киприоты с ужасом наблюдали за моими действиями:

– Ты что делаешь?! Это же чужая земля!

– Ну и где он, ваш хозяин этих бескрайних просторов,

где? – пытал я близких к инфаркту соседей, продолжая копать.

– Не знаем... – растеряно озирались по сторонам киприоты, надеясь отыскать владельца, который среди бела дня пострадал от потерявшего всякий стыд русского агрессора. Не найдя беднягу, они пообещали, что он всё равно объявится, не успею я полить свои саженцы, да не один, а с полицией! Я понял, что совершаю невиданное доселе в этих местах преступление, и может быть, даже моё имя будет увековечено в местных преданиях и эпосах, как имя Джека-Потрошителя, Аль Капоне или Бонни и Клайда, и на всякий случай уточнил:

– Хорошо, а если я всё вырублю, когда придёт владелец этих земель, удастся ли мне избежать виселицы?

Поняв, что конец света уже наступил, киприоты потянулись к своим домам, качая головами и бормоча себе под нос молитвы...

...В прошлом году я собрал первый урожай с оккупированных мною территорий.

...Однако жизнь вносит свои коррективы в повествование, и я вынужден вновь вернуться к любимому гигантскому инжирному дереву – вернуться совсем напоследок, ибо никогда я о нём ничего больше не напишу. «Как же, как же, – скажет недоверчивый читатель, – обещалася свинья чистой плотной стать. Знаем мы цену твоим обещаниям – теперь

каждый год будешь нас инжирным вареньем потчевать, рассказывать, какое оно вкусное и полезное». А вот и нет, здесь ошибётся набравшийся мудрости от общения со всякими обманщиками читатель – варенья больше не будет.

Впрочем, хватит предисловий, пора переходить к моей страшной истории.

В этом году я, как обычно, ещё в сентябре наведалься к своему дереву – посмотреть, какой урожай меня ожидает и как идёт созревание. Выйдя из машины, я встал как вкопанный – в этом диком и заброшенном уголке Кипра поселились люди! И не просто поселились, – они раскинули свои шатры из телевизионных коробок и целлофана прямо под моим инжиром! Дерево было, как я уже рассказывал, огромное, поэтому под его кроной вольготно расположились пять-шесть выходцев из Румынии мужского пола.

С минуту я ошалело смотрел на этих бомжей-интуристов, на этот результат безвизового режима в Евросоюзе. Они, в свою очередь, пристально оглядывали меня – хоть и без явной угрозы, но не отводя глаз. Видно было, что они твёрдо решили дождаться здесь созревания царского фрукта. Силы были явно неравны, и я первым отвёл глаза. Сел в машину и поехал домой – жаловаться на несправедливость и несовершенство окружающего мира.

Друзья советовали заявить в полицию на непрошенных гостей, но мне эта идея показалась неприемлемой.

В последующие два месяца я ещё несколько раз наведы-

вался к обесчещенному дереву в надежде, что интуристы нашли себе другое пристанище, но надежды были тщетны. Не всегда я их заставлял на месте, – видимо, днём они ещё где-то промышляли, но когда заставлял, мы всякий раз снова обменивались многозначительными взглядами. Спелых фруктов на дереве не было – трудолюбивые румыны зорко за этим следили. А не поспевших становилось всё меньше и меньше.

В конце ноября я приехал посмотреть, как гости готовятся к зиме – ночами стало ощутимо прохладно, и спать, укрывшись полиэтиленовой плёнкой, должно быть, становилось уже некомфортно. Я очень надеялся, что бомжи покинули, наконец, свой лагерь, и ещё две-три недели можно будет собирать любимые плоды.

Я был «после вчерашнего», и баночка пива приятно отягощала мою руку. Выехал на знакомую большую поляну, и...

Открывшийся вид потряс меня так, как не потрясали уже давно ни события на моей большой родине, ни высказывания вождей нации.

Людей здесь не было. Не было и их недорогих жилых объектов – даже маленького кусочка картона или целлофана мне не удалось обнаружить. То есть, – ни единого артефакта, свидетельствующего о том, что планета Земля населена людьми! Но не это меня потрясло больше всего: не было дерева! Не было даже намёка на то, что оно здесь когда-то было, – ни пенёчка, ни сучочка, ни листика! Только ровное поле, равномерно покрытое молодой зелёной травкой. Я даже

не сразу нашёл то место, где оно совсем недавно росло.

Невесёлые мысли сопровождали меня по пути домой. Надо всё-таки бросать пить... Жена, выслушав страшный рассказ, подтвердила, что завязать с алкоголем самое время, – ещё есть надежда, что не все мозговые клетки умерли. И успокоила, уверяя, что если я вернусь туда не «после вчерашнего», а в нормальном виде, то дерево будет стоять на месте.

Для надёжности я не поехал туда сразу же завтра, а несколько дней постился и повторял таблицу умножения, чтобы возродить мозговую деятельность. Но это не помогло. С опаской я выехал на поляну и... не выходя из машины, круто развернулся и уехал. Наваждение не исчезло.

Ещё несколько раз я повторял эту попытку – мне всё время казалось, что в прошлый раз я что-то перепутал и заехал не туда.

В этой связи мне сейчас даже вспомнился фильм «Покаяние». Там была страшная сцена в кульминации, когда герой застрелился: его отец приоткрывает дверь в комнату, в щёлочку смотрит на мёртвого сына, потом закрывает дверь и через мгновение снова потихонечку открывает – в надежде увидеть что-то другое...

Моя ситуация, к счастью, была не столь трагична, но – более загадочна. До сих пор, проезжая мимо поворота на заветную поляну, я борюсь с искушением свернуть и ещё раз проверить – а может быть, я всё-таки ошибся?

Я садовод

Я садовод, конечно, известный. Писал об этом уже не однажды и всё равно не устаю. Особенно широка моя известность в узких кругах широкого восточного Подлимассолья. Тамошние даже на экскурсии ко мне частенько хаживают. А я всё сажаю, всё сажаю. Всё, что под руку подвернётся, сажаю. Что не подворачивается, специально ищу.

Но тяжело мне одному, да и знаний с умениями не хватает. И вот однажды мне мой здешний друг Слава говорит:

– Слушай, я тут такого садовника нашёл! Потрясающих знаний человек. Его, оказывается, весь Кипр уважительно зовёт Мичуриным. Тебе он просто как воздух нужен!

У Славы участок по периметру стеной затмевающих божий свет чудовищных размеров ёлками засажен. В центре участка сапфировый бассейн, пригодный для пестования олимпийских резервов. Всё остальное – газон, если не считать пяти-шести деревьев, примитивных, неинтересных: апельсин, мандарин, гранат, лимон, банан... Зачем ему садовник? Оказывается, нет, очень нужен – и забор с газоном обстригать, и вообще.

Они договорились, что Мичурин будет приходить к нему каждую неделю по средам и получать за это 180 евро в месяц.

На этом месте я заметно поскуучнел, но Слава поспешил уверить, что, зная меня, он не сомневается, что мне удаст-

ся договориться с Мичуриным вдвое дешевле. Я что-то про бурчал в ответ, не давая понять сразу, что и эта сумма для меня неприемлема.

Но Мичурину всё же позвонил. Тот тут же приехал посмотреть мои угодья и уже сразу с секатором. Маленький, кругленький с короткой стрижкой в шортах на босу ногу. Глаза Мичурина светились добротой сквозь толстые стёкла очков.

Сад ему понравился, а мой уход за садом нет. Мы ходили от дерева к дереву, и он, ловко орудуя секатором, доходчиво демонстрировал мне мою тупость, убогость и никчемность. Как будто я сам этого не знаю. Стал бы я его звать, не будь я убогим и никчемным.

Хотя, когда Мичурин попытался стрижку винограднику моему поправить, я заслуженного садовника довольно резко осадил. Он, не внимая моим словам, продолжил вивисекцию, и мне ничего не осталось делать, как попытаться зарезать его собственным же его секатором. Потому что, как обрезать виноградник, я и сам хорошо знаю. Даже лучше, чем он, как я понял. Я вообще кое-чего всё-таки знаю и умею, в том числе и в саду. Но с годами мне всё труднее нагибаться, приседать, на коленках ползать, сорняки выдирая, и всё такое прочее.

На Мичурина, как ни странно, мой гнев произвёл благоприятное впечатление. Он понял, что имеет дело не совсем с лохом, но с настоящим садоводом, пусть и не профес-

сиональным. Владелец растения ненавидящего секатора с удовольствием продолжил инспектировать мой сад-огород, не закрывая рта.

Наконец словоохотливый агроном перешёл к приземлённой теме денег. Он сказал, что работы у меня вчетверо больше, чем у Славы, но он, как татарин татарину, готов предложить мне свои услуги лишь за вдвое большую сумму, чем платит Слава, то есть за смешные 360 евро в месяц.

Вслух я оценил его благородство и приверженность к родовым корням, но про себя подумал другое. Почему-то в моём воспалённом мозгу промелькнуло видение, что этот обезумевший на почве любви к агрономии Мичурин будет ухаживать за моим садом бесплатно. При торге, конечно, такую цену сразу озвучивать было неприлично, и я предложил, как татарин татарину, шестьдесят евро в месяц. Мичурина эта сумма почему-то не оскорбила. Хотя это странно, ведь я потом доподлинно узнал, что есть дома, где он по пятнадцать евро за час работы получает. А здесь он вдруг моментально согласился работать за шестьдесят евро в месяц. Я понимаю, конечно – как татарин татарину, но не настолько же! Но он уже и сам понял, что продешевил. И оговорил условие, что тогда он будет приходить не в конкретно назначенное время, а когда ему вздумается. Меня это тоже устраивало, и мы ударили по рукам.

Месяца через два Слава мой повинился, что напрасно он, наверное, меня познакомил с Мичуриным. Великий агроном

оказался очень необязательным человеком, несмотря на энциклопедические знания в области растениеводства, равно как и во многих других областях тоже. Он, оказывается, редко в среду приходит, как договаривались, и то, не к 9 часам утра, а к 10 в лучшем случае. Всё время переносит свой визит на другой день. И каждый раз у него уважительные причины и не просто, а какие-то вон выходящие. То его змея за причинное место укусит, а то тарантул в ухо заползёт.

Я Мичурина потом спрашивал приватно, ну надо ли так изощённо ум упражнять, ты что, не мог сказать, что у тебя ангина, например? А он клянётся, что всё так и было, и пытается показать мне укушенное место, от чего я резко отказываюсь, заверяя его, что и так верю.

Кто его знает, может, он и не врёт. Во всяком случае, я быстро обнаружил, что агроном мой больших способностей человек в поисках небывалых приключений.

Едем мы, скажем, как-то с ним на предмет ревизии близлежащих рассадных магазинов. И на беду, по дороге вдруг пиво кончается. Ну, проблема не самая страшная – по пути много маленьких магазинчиков, которые у киприотов носят почему-то название периптеро. Сельпо, по-моему, правильной было сказать.

Остановились у ближайшего. Мичурин пошёл по покупке, а я в машине остался ждать. Пять минут жду, десять жду. Нет Мичурина. Странно, думаю, что он там, пиво выбирает так долго? Тем более странно, что мы с ним давно уже опре-

делили для себя наше пиво. Не то, что за два евро и не то, что за евро пятьдесят. И даже не за евро десять. Наше пиво в разных магазинах стоит от семидесяти пяти центов до семидесяти девяти. Нет, есть, конечно, магазины, где его и по восемьдесят два цента продают, но мы в такие принципиально не заходим.

Пятнадцать минут жду. А может быть, он там торгуется? Да за это время любой продавец ему уже бесплатно бы пиво отдал!

Подождав ещё минут десять, я почувствовал неладное и сам пошёл в магазин. Мичурина там не оказалось. Странно, ведь я видел, как он туда входил. Неужели продавец, не выдержав словоохотливости моего друга, расчленил его и куски попрятал под прилавок? Я пристально посмотрел в глаза продавцу и в ответном взгляде уловил некоторое беспокойство. Но бить его сразу было бы некрасиво, и я ещё раз обошёл все витрины и полки, вглядываясь в каждую банку. Мичурина не было. Тогда я уже с серьёзными намерениями – к продавцу. А у того морда чёрная, волос чёрный, по всему видно, что ему зарезать человека всё равно, что банку с пивом открыть.

Продавец затрясся, но не колется. Да, говорит, видел я здесь какого-то странного русского, он все банки с пивом перещупал. Но куда он потом делся, не заметил – другие покупатели отвлекли.

Я продавцу так задушевно говорю, что ты чё, мол, блин,

все рамсы поперепутал? Мы, русские, таких обидок не терпим, говорю. Выдай мне хоть что осталось, а то я твою периптеру сейчас вдребезги и пополам, как говорит Михал Михалыч. При упоминании имени Михал Михалыча продавец мелко задрожал, и даже слеза навернулась на его глаза. Это правильно, я сам от Михал Михалыча часто не могу сдерживать слёз.

Однако несмотря на то, что чёрное лицо продавца побелело, труп он мне не соглашается выдать, чтобы я предал его земле по нашим христианским обычаям. Тогда я ещё раз обошёл магазин. И обнаружил завуалированную дверь в подсобку. Не раздумывая больше ни минуты, я ринулся туда. Там опять никого. Мешки какие-то, ящики и холодильник размером с гараж. Нет, был там, конечно, и чёрный выход, но дверь закрыта изнутри. Потряс я мешки, пошевелил ящики, устал. Дай, думаю, пивком свежим утолюсь из холодильника. Открываю дверь, а там на ящике с пивом Мичурин сидит и ледяным напитком из баночки греется. Сосиски на нём ещё не выросли, но выглядит он неважно.

Мичурин заметно обрадовался моему появлению и сразу же заговорил:

– Понимаешь, тут все стены железные, поэтому мобильник не работает.

– А, так ты сюда проверить работу мобильного забрался? Оказывается, нет, ему пиво на витрине показалось недостаточно прохладным, и он решил взять в подсобке из холо-

дильника. А дверь холодильника за ним возьми да и захлопнись. И изнутри она, оказывается, не открывается.

Вот такой он способный, мой Мичурин.

Так что я был готов поверить и в укусы змеи в неприличное место, и в прочие его рассказы. Например, он, напившись, любил рассказывать, что он полковник КГБ. Я делал вид, что верю. Но не настолько, чтобы интересоваться подробностями.

Неинтересно мне было так же и неважно, в какой день и час Мичурин придёт заняться моим садом. И придёт ли вообще на этой неделе.

У меня с Мичуриным отношения развивались стремительно, но в другом направлении, не как у Славика. Мы подружились. За первый месяц работы я успел уплатить ему шестьдесят евро, о чём до сих пор горько жалею, но больше я ему не платил, что говорит о моей прозорливости и даёт душе некоторое успокоение.

Предчувствие меня не обмануло. Мичурину очень понравилось, что я стремлюсь заполнить свой садик, как Ной свой ковчег заполнял. Чтобы всё было, но в отличие от Ноя я ограничил сферу своих интересов только съедобными растениями. Декоративные меня не интересовали, если только это не кактусы.

К тому же Мичурин оказался стойким приверженцем религии Бахуса, и мы частенько стали сиживать у него или у меня с баночкой пивка или винца, чтобы не сказать виска-

ря, и обсуждать замечательные свойства того или иного знака. Тема эта настолько нам обоим доставляла удовольствие, что порой мы забывали даже свои саженцы поливать и те засыхали, укоризненно роняя головы.

Некоторое время Мичурин ещё вспоминал, что я ему деньги должен платить. Тем более, что уставший от замечательных рассказов своего садовника Слава вынужден был с ним расстаться. Мне же расставаться с необязательным и словоохотливым садовником никакого резона не было, тем более, что когда у меня случился очередной денежный коллапс, я вынужден был взять займы у своего садовника 1000 евро без оговорённого срока отдачи. И если я, не дай бог, с Мичуриным вздумаю рассориться, кто меня потом кредитовать будет? Учитывая, что банки в этом вопросе давно ко мне охладели.

Особенно мы любим с ним ездить по всяким рассадникам, как я называю магазины, где продают саженцы, семена и рассаду. Бродя по гектарам всякой причудливой зелени, мы получаем истинное удовольствие, обсуждая тот или иной вид и запивая это пивком. Приземистый и почти слепой Мичурин буквально на коленках ползает вокруг понравившегося ему экземпляра. Иногда ему что-то нравится настолько, что он начинает меня уговаривать купить это для моего сада. На что я обычно сухо отвечаю, что у меня нет денег, и, как правило, не вру. Тогда Мичурин покупает это на свои деньги, не забывая упомянуть, что деньги я ему потом должен

буду вернуть. С этим я никогда не спору. Конечно, верну, но потом. Если потом, почему же не вернуть?

Затем Мичурин стал приносить мне из дому всякие химикаты и инструменты. Но инструменты постепенно выходят из строя, а химикаты заканчиваются, и тогда Мичурин обращается ко мне, что мол, надо бы прикупить то-то и то-то. Я вообще человек покладистый и никогда не возражаю – ну, надо, так надо – покупай. Он, бормоча себе под нос, что деньги я ему потом отдам, бежит в магазин.

При этом надо заметить, что сам Мичурин плодов нашего сада не ест. У него аллергия почти на всё, кроме водки, вина и пива.

А однажды Мичурин меня познакомил со своим коллегой, садовником Резо. Резо оказался хоть и тоже пьющим, но очень рукастым и работающим. И не таким балаболом. Нет, Мичурин тоже, конечно, рукастый и работать умеет. Но с годами это у него получается всё медленней и медленней. Тем более, что одна рука постоянно занята баночкой или коробочкой пива или вина.

Длинный, как каланча, и высохший, как осенний лист, Резо заканчивает шестой десяток на этой прекрасной своими фруктовыми садами земле. Я почему-то с первого взгляда влюбился в этого человека. А он, когда узнал, что я книжки пишу, стал вдруг называть меня на «вы». Я возмущался, грозился, что тоже перейду на «вы», но Резо только виновато улыбался и обещал, что больше не будет. Обещаний сво-

их, правда, не сдерживал. А когда я ему подарил свою книгу о его земляке, он вообще потерял всякую адекватность.

На следующий же день приехал и обрезал весь виноградник, как раз пора уже было. Это большая работа, я думал посвятить этому пару недель, но Резо очень быстро работает. За три часа он усыпал весь двор виноградными лозами по самое колено, собрал их в кучу, упаковал и погрузил в свой грузовик. Я очень настойчиво предлагал ему деньги, не помню ещё, чтобы я когда-нибудь бывал столь настойчив, если, конечно, не с женщиной. Но Резо оказался крепче самой девственной девственницы из монастыря. От денег он категорически отказался. На это я ему, отъезжающему, кричал вслед, чтобы ноги его в моём саду больше никогда не было. Но Резо подлю всякую весну и осень выбирает время, когда никого нет дома, приезжает и обрезает виноградник.

...А когда-то, больше тридцати лет назад, мы ведь шли с ним от Курского вокзала – он в институт землеустройства, а я в институт химического машиностроения. Эти институты по соседству были. Но шли мы не вместе – он чуть впереди или чуть позади. Мы тогда не знали друг друга. И этого мне очень жаль теперь.

Мы стали сживать тёплыми зимними вечерами в моём или мичуринском дворе втроём. Резо рассказывал, что скоро уедет в свою родную Кахетию, он уже несколько контейнеров туда отправил с сельскохозяйственным оборудованием. Мичурин объяснял, как ему лучше обустроить его кахетин-

ские гектары. Я плакал от любви и жалости к ним. Не вслух, про себя.

Резо постепенно осмелел и стал тоже какую-то деятельность в моём саду творить помимо виноградника. Я всё меньше и меньше участвовал в их дискуссиях по поводу будущности моего совхоза. Иногда они спорили, не договорившись, куда и что надо посадить. Я кивал и соглашался с обоими.

Резо давно уговаривал меня купить тонну перегноя, чтобы разбросать под деревьями – земля тут у меня очень бедная. Если можно назвать землёй известковые камни. Я ему всякий раз говорил, что позже, мол, сейчас у меня денег нету, а стоит это немало – 40 евро и ещё за доставку я Резо должен буду заплатить.

Тогда Резо заявил, что он всё равно привезёт, потому что ему в оптовом магазине эту тонну, оказывается, бесплатно дадут как постоянному клиенту, а доставки никакой и не будет, потому что он всё равно мимо едет. Я ему отвечал, что на близких подступах к моему дому изрешечу его грузовик из берданки, если увижу, что он землю везёт. Резо утих, но что-то затаил.

А вчера таки еду я за конским навозом на соседское ранчо, там у них лошадок штук восемь. Я лошадок очень люблю – они навоз производят очень качественный. Ни с каким другим он ни в какое сравнение не идёт. Вот кроличий тоже очень неплох, но насыщенный, зараза. Разбавлять надо, а то

погорят корешки у питомцев. Опять же, полный багажник пока им набьёшь, это сколько же кроликов надо!

Хозяин ранчо Никас другой бизнес на лошадах имеет. Ну, там свадьбы, кареты, Рождество, Санта-Клаус... Если просто покататься кто-то захочет, тоже пожалуйста, двадцать евро в час.

Наши дочери очень дружат. Никас тоже со мной раза три знакомился, пока я научился его идентифицировать. И случилось это только тогда, когда я в первый раз у него навоз брал.

Ну вот, еду я, значит, за навозом к соседу, он метрах в трёхстах от меня, а навстречу гляжу – грузовичок Резошный пылит. Поравнялись, остановились. Я, говорит Резо, к вам еду, я там у вас забыл что-то. Грузовичок у него закрытый, я не вижу, что внутри. Ладно, говорю, езжай, я сейчас навозом багажник набью и тоже буду, минут через десять.

Возвращаюсь, а Резо уже разгрузил тонну компоста и в ожидании меня карманным секатором деревья подрезает. Ладно, говорю, я тебе за эту землю всё равно деньги отдам. Он говорит, конечно, отдадите, но в Кахетии, когда вы ко мне в гости приедете. Пока мы с ним спорили, Мичурин появляется. Компост одобрил и сразу к деревьям. Вдруг, слышим крик, мат на весь посёлок. Оказывается, Резо неправильно персик обстриг, на который Мичурин четыре разных сорта привил. Выскакивает Мичурин из сада, весь красный, вино из коробки по дороге расплёскивает и чуть не с кула-

ками на Резо:

– Я твой виноградник трогаю! Не трогаю! Так какого же ты... к моему персику со своим поганым секатором лезешь?

– Я всё правильно сделал, – отвечает Резо, – А то было бы сто персиков, но мелких.

– А теперь будет один, но крупный? – ярится Мичурин. – А ты понимаешь, что мне нужно было посмотреть, как ведёт себя каждая привитая ветка?

Я понимаю, что лишний здесь, и бочком, бочком вглубь двора убираюсь. Чтобы не участвовать в скандале. Ведь я их обоих люблю, и мне трудно будет выбрать чью-то сторону.

Но вскоре они поутихли, и мы сели под виноградником отдохнуть после напряжённого дня.

Сидим, пивком оттягиваемся. Прохладная жидкость ор-газмирует пересохшее до состояния камня с вкраплениями крыл птеродактиля горло. И даже говорить не можется. Изредка только перекидываемся ленивыми словами постепенно оживающих после ледникового периода давно вымерших животных.

Резо говорит:

– Лучок, что неделю назад посадили, неплохо взошёл.

Мичурин соглашается:

– Да, а ту кавафу, что у тебя в Турции, надо бы перепривить.

Турцией он называет те территории, которые я незаконно захватил за моим забором. Сам я предпочитаю эти земли

звать временно оккупированной территорией.

Я тоже делюсь сокровенными мыслями с друзьями:

– Гибискусы опрыскать собираюсь.

Резо возражает:

– Мандора что-то мне не нравится. Надо бы подкормить.

Мичурин, сделав большой глоток из новой холодной баночки, резюмирует:

– Мушмула у забора цветом пошла. А ведь не ожидали мы с тобой, когда я её два года назад косточкой посадил.

Тут я его осадил, не люблю, когда зарываются:

– Простите, маэстро, но эту косточку посадил я!

Вот что мне не нравится в Мичурине, так это то, что он постоянно все лавры себе забирает.

Я прекрасно помню, как в горшок на веранде сунул пару косточек от только что съеденных фруктов. Одна была большая – авокадо, другая много меньше – мушмула. Я и забыл о них, когда из горшка вдруг выскочило небольшое, но наглое деревце. Стебель, или как ему самому, наверное, казалось, ствол, был прямой и блестящий, как лазерная указка. И своими огромными красивой формы листьями деревце как бы заявляло о своих особых правах на эту землю и эту веранду. Все остальные, присутствующие в соседних горшках, как-то сразу сникли, пожухли и поскущнели при виде такой красоты. Тархун в соседнем горшке вовсе засох.

Почему-то я решил, что это авокадо выросло. Может быть потому, что название красотой своей соответствовало кра-

савцу-гордецу.

Решил я это деревце убрать с веранды, чтобы оно остальных не травмировало. Да и не солидно это – полноценному фруктовому дереву, как герани какой-нибудь недоделанной, в горшке расти. Надо его в сад, на временно оккупированную территорию. Позвонил посоветоваться Мичурину. Тот велел ничего не трогать, он сам выберет место для посадки. И да, выбрал и посадил, объяснив мне при этом, что это мушмула, а не авокадо никакое.

Вскоре выяснилось, что он очень близко к забору посадил это гордое дерево. Буквально через год оно разрослось так, что я уже за судьбу забора стал опасаться. И зацвело миллионом красивейших цветов. Эта мушмула напоминала мне чем-то ребёнка, который хочет, чтобы всё родительское внимание только ему доставалось. Мичурин, как велят правила педагогики, внешне прохладно к дереву относился. Дескать, из косточки... Уродит ли вообще, а если уродит, то кого? Но потом, отведши меня в сторонку, чтобы мушмула не услышала, шептал мне на ухо:

– Если фрукты будут некрупные, перепривьём.

Но фруктов не случилось никаких. Мичурин сказал, что он же говорил, что если из косточки выросло, то это дичок. Ничего этот непомерно разросшийся красавец нам не даст. Мичурин настаивал, что сей же час эту мушмулу надо обрезать как следует и привить хорошим сортом – у него как раз есть одно дерево на примете в чужом саду.

Я не захотел. Подождём, говорю, до следующего года.

В следующем году дерево взялось за ум. Или оно подслушало наши с Мичуриным разговоры. Мушмула дала столько прекрасных плодов, что сами мы съесть их не могли, и пришлось раздавать соседям.

Однако я отвлёкся. У меня так всегда бывает, если я о любимых вспоминаю.

Сидим мы значит с Резо и Мичуриным. Холодным пивом горла оргазмируем, а тут возьми и появиись откуда ни возьмись Боря-болгарин, сосед Мичурина.

Несмело как-то входит в калитку и лаптоп подмышкой держит. Весь такой лучистый, доброжелательный и готовый поработать за пять евро в час. Он вообще мечтает у меня в саду работать Неважно что: уборка двора, прополка огорода или полив цветов. А зачем он мне нужен, если любой бангладешец за пять евро десять болгарских часов отработает и ещё сдача на пиво останется?

Поздоровавшись, Боря постоял немного, от пива отказался пока, а отозвал меня в сторонку и лаптоп свой раскрывает. А там шея женщины какой-то. Увитая огромным многорядьем жемчугов. Я говорю Боре, что жены мне вполне хватает, и даже не хватало бы, я сам привык решать этот вопрос. А он, оказывается, не женщину, а это многорядье мне предлагает.

– Боря, – говорю я, – у кого из нас белая горячка? Я разве когда-нибудь говорил тебе, что интересуюсь жемчугами?

А он на меня руками машет:

– Дурак, я же тебе хороший бизнес предлагаю! Хозяин в Болгарии владеет этим. Сейчас у него проблемы и он отдаст это очень дёшево! Цена ожерелью пять миллионов евро. А он готов уступить за полтора! И ещё мне десять процентов оттуда! Я хочу их поделить с тобой. Я знаю, что у тебя много богатых друзей!

Я сглотнул набежавшую слюну и сказал:

– Боря, а можно я уже сейчас поделю наши барыши? Возвращайся к столу и возьми банку пива из пакета на полу. И больше никогда мне ничего подобного не предлагай, а то я эту банку у тебя через суд обратно отыграю, и все судебные издержки как раз покроет твоё замечательное ожерелье, евро-союзец ты хренов!

Он сначала решил обидеться, заморгал-заморгал своими пятидесятилетними моргалками, но банка пива всё же перевесила.

Я вернулся к столу и пиву, Боря трусил следом, оставивши свой лаптоп на заборе. Мичурину я сказал:

– Кумкват думаю на лимон, тот, что в поле, привить. Только надо такой, как у Кати растёт.

Мичурин обстоятельно замял сигарету в пепельнице и молвил раздумчиво:

– Пожалуй... Но там мне одна ветка понравилась, я на неё мандору привью.

Уроки садоводства

Недели две назад неожиданно ко мне в гости папа пожаловал. На всякий случай поясню – мой папа. А то некоторые думают, что у меня, кроме правнуков, уже и родственников других не может быть. Однако нет, у меня много родни, и папа с мамой в том числе. И вот приезжает мой папа, ненадолго, на три дня всего, даже на два с половиной. Посмотреть, как тут его сынок и внуки поживают.

Папа не молоденький у меня уже, за восемьдесят, а вот не сидится же ему дома, ездит по миру, пристально присматривая за своими чадами. Прямо с Кипра он ещё на пару дней в Лондон заглянуть поехал проверить, всё ли там путём у моей сестрицы.

Но прежде он на Кипре успел порядок навести. Наутро после его приезда я решил встать пораньше, памятуя, с каким презрением он всегда относился к любителям долгого сна. Поэтому я вместо своих обычных шести часов утра встал в пять. Опоздал, конечно, он уже давно орудовал в саду с секатором, пилой и кетменём. Я пожелал ему доброго утра и спросил, не свозить ли его куда-нибудь по достопримечательностям. Папа ответил, что никак невозможно, потому что у него всего два дня осталось, а сад у меня очень запущенный. На это обидное заявление я не нашёлся ничего ответить, кроме как удалиться в свой кабинет и углубиться

в компьютер.

Часа через три жена моя развезла детей по школам и позвала нас завтракать. За завтраком воодушевившийся папа демонстрировал мне семена фасоли, выращенные им в Москве из привезённых с Кубы, и давал рекомендации по их посадке. Оказывается, именно эта фасоль очень хороша. Там у них на Кубе с мясом большие проблемы и весь необходимый организму белок аборигены получают именно из этой фасоли. Меня подмывало спросить, вывез ли он ещё чего-нибудь с Острова Свободы, кроме фасоли и знания, что там нет мяса, но я удержался. И сажать фасоль мне у себя не хотелось, хоть она и заменяет мясо. Потому что здесь в одном знакомом мясном магазине нам мяса бесплатно дают для нашей собачки столько, что ей одной не съесть.

После завтрака папа снова кинулся к своему кетменю, а я к своему компьютеру. Я знал, что мне никак нельзя пытаться составить ему компанию, это может закончиться трагически для моего изношенного организма. Он тоже это знал и щадил мои натруженные больные ноги, руки и спину. Я ему с балкона кричал время от времени, чтобы он не слишком усердствовал — у него ведь ноги и спина тоже немолодые. И даже неуверенно предлагал свою помощь слабым голосом. Но он отмахивался, справедливо беспокоясь за моё здоровье. Сам же он не напрягается, говорил мне папа, так потихоньку, в своё удовольствие.

В обед выяснилось, что папе всё-таки нужен помощник.

Иначе ему не успеть осуществить задуманное. А задумки его размахнулись куда дальше моей фантазии, когда я начинал оккупировать чужие территории, раскинувшиеся за моим забором. Папе понадобились какие-то траншеи, какие-то дорожки, уводящие далеко за пределы нашей территории. Нужен был мальчонка из бангладешцев или пакистанцев, а лучше узбеков, которые по своей работоспособности с кетменём и киркой не имеют себе равных. Договорились, что назавтра я такого помощника найду.

После обеда я, покряхтывая от болей в костях, поплёлся наверх вздремнуть, а папа, пружинисто подскочив, побежал в сад.

Я лежал и сквозь накатывающую дрему видел картинки давно ушедшей юности. Как мы живём ещё в Узбекистане и как мой склонный к компромиссам папа просит меня вскопать огород. А я уже старшеклассник, и мне погулять хочется. Но он мне говорит: конечно, сынок, вскопай совсем небольшой участок и иди гуляй. И показывает – от сих и до сих. Я кричу: ты что, издеваешься? Это же за неделю не вскопать! А он смеётся – здесь на пятнадцать минут работы, максимум на двадцать, я старый и то за полчаса сделаю.

Я пытаюсь выполнить задание – ребята уже давно ждут. И только с бешеной скоростью я укладываюсь в полтора-два часа. И уже не до гуляний мне после этого – все кости, все мышцы гудят, как высоковольтные провода, и глаза из орбит. Но гулять, конечно, всё равно шёл. И так каждый раз.

С тех пор разучился я работать спокойно – только, как ужаленный.

Через несколько лет я уже в Москве, женат и еду с тестем на дачу. Там нам песок привезли, а вывалили далеко – к участку не подъехать. И тесть говорит, что неплохо бы было сегодня хоть несколько тачек песка привезти. Я беру тачку, лопату и бегу к куче с песком. Сделал несколько рейсов, вдруг смотрю – тесть на дорогу вышел и смотрит на меня с открытым ртом. Когда я приблизился, он спросил с удивлением:

– А почему ты всё время бежишь? Куда ты торопишься? Устанешь же!

Действительно, подумал я. Чего это я бегу, куда? И пошёл медленней. И только возле ополовиненной уже кучи песка обнаружил, что я снова бегу. Так я за два часа целую машину песка и перевёз. Тесть был в шоке и потом вспоминал много лет о виденном.

...На следующий день я привёз папе помощника, молодого узбека, чтобы им удобнее объясняться было. Папа по-узбекски говорит в совершенстве – так жизнь сложилась, что вырос он в глухом кишлаке. Узбек из уважения к такому работодателю с особенным усердием работает. Как заведённый, только пыль столбом стоит. А дедушка в обед задумчиво так говорит мне:

– Не нравится мне этот работник. Лентяй какой-то. Завтра до отъезда у меня ещё полдня есть, ты мне на полдня

другого работника найди.

Я отвечаю твёрдо:

– Нет, папа. Я сам потом потихоньку закончу то, что ты начал.

– Хорошо, – соглашается папа, – я тебе покажу, что надо доделать. Только ты потихоньку, не напрягаясь, ладно? По пятнадцать-двадцать минут в день. Это тебе будет даже полезно.

А мне так и слышится недоговорённая концовка фразы:

– И иди гуляй.

О воде

У нас тут с водой не очень хорошо. Остров маленький, дождей мало, находимся чуть ли не в Африке. Та Африка, что близко к нам, конечно, северная. Но она много, много жарче Южных Курил.

Ну, Африка или не Африка, а мы, конечно, Европой себя мним, оттопырив нижнюю губу. Впрочем, я не про Африку или Европу сегодня, а про воду. Нет, я не жалуясь, в кране вода, конечно, практически всегда есть, если только не засуха, случающаяся раз в несколько лет. Тогда нам воду танкерами из Греции привозят. Да и тогда-то, положив руку на сердце, в кране вода не иссякает, не давая кинуться искать виноватых, зорко вглядываясь в сопредельную страну с нашего восточного берега.

Вот интересно, в дни моей счастливой, но не подозревающей об этом, юности, вода почти ничего не стоила. Это сейчас человечество достигло в своём развитии таких высот, что проще выпить банку пива, чем бегать искать недостающих копеек на банку воды.

Впрочем, я и не про юность сегодня вышел рассказать, хотя это интересней, чем про сегодня. Кому интересней? Ну, мне, конечно же. Вот так начнёшь рассказывать, увлечёшься, а потом вдруг в холодной испарине – да неужели же это был я! И вот там! И так жил! Не может быть!

Ладно, ладно, возвращаемся к воде. Хотя юность моя, уверяю, много интересней была, чем даже сегодняшняя вода, которая, судя по цене, должна быть слаще пепси-колы.

Я, собственно, к чему всё это сегодня не сплю. Дело в том, что у меня тут садик есть. Ну, там деревья всякие и прочее. И всё это хозяйство пить хочет. Дешёвой пепси-колой его не удовлетворишь, ему чистую воду подавай. И если водопроводной водой поливать, то на моих деревцах сплошь золотые фрукты висели бы. Но в нашем славном посёлочке для полива специально артезианская скважина есть. И оттуда регулярно, два раза в неделю по тридцать минут на каждый дом водичка поступает. Чтобы газон и две пальмы на участке чувствовали себя хорошо. И они счастливы – что газоны, что пальмы.

А вот моему саду этого маловато. Их у меня слишком много, растений. Вы скажете – ты же врал, что садик у тебя маленький. Маленький. На первом этаже маленький, на третьем маленький, а на втором совсем малюсенький. Там, правда, на втором, ещё поле за нашим домом бесхозное, вот оно-то как раз уже большое. Но я же не виноват, что там заборов нет, насколько у меня хватает глаз.

В общем, поставил я на этом поле два двухтонных бака, чтобы у меня вода всё время в запасе была. И вроде ничего мы зажили с моими деревцами, не жирно, конечно, но и жаловаться грех. Зимой вообще хорошо, многие деревья вообще пить не хотят, я им даже завидую – неплохо бы было тоже

каждые полгода в завязку уходить.

Но вот пришла весна, садики мои маленькие, малюсенькие и прочие укоризненно шевелят жабрами, и я кидаюсь к своим бакам, а там – чуть на донышке. Я к соседу. Дело в том, что мой ближайший сосед – он же и управляющий всей этой артезианской системой и вообще посёлком. Он же и застройщик всего нашего посёлка. И я хорошо помню, как сочувствовал ему, когда он бился головой о стену, узнавши, что легкомысленно продал ближайший к себе дом семье с тремя малолетними детьми. В минуту слабости он даже предлагал мне взятку – десять тысяч евро, если я соглашусь на другой дом. Но я взятки брать не научился в своё время, негде было, а начинать на старости лет уже поздно. Да и дом мне очень уж приглянулся. Особенно тем, что прямо за моим забором посёлок кончался и дальше простиралось необъятное русское, ой, нет, кипрское поле, при виде которого у меня начиналось неконтролируемое слюноотделение.

Так вот, побежал я к соседу, скрипя кулаками и сжимая зубы. Надо сказать, что Йоргас давно смирился с соседством и у нас, конечно, вполне теплые взаимоотношения. Свои позиции он сдавал не сразу, постепенно. Наши с ним дома в некоем аппендиксе находятся, куда не ходят чужие, и между нами, или точнее, между ними, домами, площадка есть – паркинг машин на шесть. Несколько раз, с трудом разъехавшись с нашими многочисленными и постоянными гостями, семья Йоргаса перестала пользоваться своей половиной пар-

кинга, так что к нам теперь вдвое больше гостей могут приезжать.

И вот прибегаю я к соседу Йоргасу и кричу, зачем он мне воду перекрыл. Йоргас делает большие глаза и божится, что ничего такого не делал, но если я так возбуждён, он перенастроит компьютер, чтобы я отныне вдвое больше воды получал.

Я успокоено пожал ему руку.

Утром просыпаюсь и первым делом – к бочкам. Не обманул киприотский лэндлорд, водички стало больше. Но не так, как хотелось бы – всего по четверти в моих баках. А у меня помидоры, огурцы только из рассады вышедши, нежные, им пить хочется.

Снова бегу к соседу – так, мол, и так, но воды мне всё равно катастрофически не хватает. Он возражает, что я уже воды получаю почти столько, сколько весь остальной посёлок.

– Ну и что? У всех там, кроме газона, только две чахлых пальмы, которых я бы и вовсе поливать не стал. А у меня манго с черимойей, тропические растения, очень серчают!

– Ладно, – говорит Йоргас, – я тебе ещё добавлю.

Всю ночь меня мучили сны о внутреннем содержании моих баков. Утром, не умываясь и не почистив зубы, я кинулся на второй этаж. Сорвал непослушными пальцами крышку с ближайшего бака и понял, что Йоргас меня снова обманул. Вода не доходила даже до половины. Тогда я, как когда-то некто Ульянов В. И., решил пойти другим путём.

Я выловил Симо, основного работника Йоргаса и задумчиво взял его за лацканы. Мы с ним вообще почти земляки, потому, что Симо – черногорец, а я в Черногории жил когда-то чуть не два года. И я из уважения стараюсь разговаривать с ним по-сербски, а он из уважения старается разговаривать со мной по-русски. Со стороны очень увлекательно получается, говорят. Я шепчу Симо:

– Ты знаешь, брат, начальник твой большая крыса и крохобор! Я его уже давно прошу прибавить мне воды, а он, видимо, издевается надо мной. Не любят нас, русских! И притесняют!!!

Симо меня успокоил, шепнув, что он сам, без ведома хозяина, ещё добавит мне водички. Я сказал:

– Хвала, тебе дорогой земляк Симо!

Именно так, с ударением на первый слог – хвала. По-сербски это значит: спасибо.

Но наутро значительных изменений в бочках я снова не обнаружил.

А позавчера Мичурин ко мне пожаловал. Я ему говорю, что сволочи всё-таки киприоты, что бы там кто ни говорил. И эти, как их, черногорцы, тоже сволочи и мерзавцы. Удивительно, что раньше я этого не замечал. Вот мы, русские, не такие. Другие мы. Много-много лучше.

Мичурин слушает меня вполуха и всё что-то на пучки моих шлангов косится.

– Смотри, – говорит, – у нас сейчас все поливочные ком-

пьютеры отключены, а один шланг как-то дёргается.

— Да я сам скоро дёргаться буду, а ты мне про шланги пургу несёшь!

Мичурин отхлебнул из баночки и пошёл вдоль нервного шланга. И очень быстро нашёл — у забора толстый и твёрдый до неприличия шланг перегнулся. Не понимаю, как это могло произойти, эту пластиковую трубу я с трудом даже впрямую изогнуть могу. А тут — просто переломился, образовав непроходимое колено. И ведь это была именно та труба, через которую в мои танки вода из скважины поступала.

Конечно, в пять минут неисправность была устранена.

Наутро я был разбужен шумом фонтанирующей воды. Выглянул в окно и увидел, как из-под закрученных крышек моих баков ожесточённо бьёт вода, превращая в жидкую грязь всё на своём пути. Я обрадовался и побежал вниз, чтобы включить на полную катушку все шесть линий полива. Слава богу, давление вроде немного спало. Но вода продолжала прибывать. Я разрешил жене помыть из шланга все шесть веранд, а дети внизу из других шлангов обливали друг друга.

Ну, вроде, уgomонил я эту стихию. Заглянул в успокоившийся бак, а там всего-то на две трети воды. Следующим утром я обнаружил, что сад мой на втором этаже превратился в болото. Ступить было некуда, чтобы не провалиться по щиколотку.

И что мне теперь делать? Пойти к Йоргасу и сказать, чтобы он убавил мне воды? Боюсь, это будет плохое решение.

Убавит, потом опять хватать перестанет.

Эх, придётся мне осваивать эти бескрайние поля за моим забором ещё немножко. Ну, ещё пару гектаров хотя бы. А то ведь потонем, как «Титаник».

Харам

В сентябре должна была приехать подруга из России, и я решил к её приезду привести свой сад в надлежащее состояние. Не то чтобы мне сад мой не нравился – как раз наоборот, но моя благоверная устала меня пилить, что во всём Кипре больше нет таких страшных джунглей. Мне и соседи, бывало, из тех, что доходили до дому, а не были растерзаны до белых костей обильно водившимися в моих джунглях дикими ящерицами, собаками и кошками динго, говаривали, переведя дух, что неплохо бы мне прорубить тропинку к дому, но особенно не настаивали. Да и жена не в том смысле устала, что она устала, а в смысле – меня утомила. В русском языке есть, конечно, хороший синоним этому неудачному выражению, но мне его здесь использовать как-то неловко. Да и пилила она меня не так уж чтобы по-настоящему, а как-то мелкими зубьями, можно сказать, ножовкой по металлу. Но я, будучи неметаллическим, всё-таки сдался и решил навести порядок, благо и повод был, как сказано выше – гостья из России.

Кинулся я тогда звонить своему близкому садовнику. Ну, в смысле, что он не коренной киприот, а тоже наш бывший соотечественник. Звоню, а он, собака, в запое. Ладно, думаю, может, это и к лучшему. Наш великий Мичурин всё равно умеет только щёки надувать и пальцем показывать, где

в саду что сделано неправильно. Справедливости ради должно заметить, что Мичуриным его весь Кипр прозвал, и не напрасно: агроном он от бога – к палке черенок привяжет, и тот через неделю уж и колосится.

Такое *погоняло* (слово это пишу, чтобы понравиться поклонникам нашего нынешнего национального лидера) как нельзя лучше подходило к этому человеку. Он благосклонно относился к своей партийной кличке (а эти последние два слова – чтобы понравиться коммунистам, хотя, боюсь, что двух слов тут недостаточно). Вообще-то он Тимирязевскую академию закончил и защитил диссертацию даже, но это всё тогда, в приснопамятные (а может, уже и никакие не памятные) советские времена. А ныне правая его рука была бездействующей (занята бутылкой с пивом), а одной левой он мало что мог сделать.

Но вообще-то здесь у нас для того, чтобы джунгли расчищать, специальные приезжие есть. Из Пакистана или из Бангладеш. У них обе руки действуют, да ещё и как! У меня их немало перебывало, ещё с тех пор, как я не вырубать свои джунгли собирался, а засаживать. И равных им в земледельческих работах ну просто нет. Помню, тесть мне рассказывал, как во время войны не было в армии лучших землекопов, чем узбеки. Видимо, у азиатов это просто в крови.

Ну вот, перед приездом любимой подруги (оговорюсь сразу, чтобы кто-то не подумал увести повествование в неправильное русло: калужская подруга – это моя названная сест-

ра, а не что-то другое). Такую длинную вставку в скобках я сделал, что и забыл даже, что хотел сказать.

А, ну да, – перед приездом калужской подруги я обзвонил всех «узбеков» пакистанского или бангладешского разлива (натуральных узбеков здесь не водится). И все они, представьте, были чем-то заняты или вовсе поменяли место жительства.

В общем, подругу я встретил в прежнем состоянии моей убогой латифундии. К этому времени как раз уже и система автополива вышла из строя, и я, показав госте, как пользоваться шлангом, отбыл куда-то на две недели. Я вообще всё время куда-то отбываю.

По возвращении на родную Кипрщину я с удовлетворением убедился, что джунгли стали ещё гуще. Поливальщица смело продиралась в самые кущи – оказывается, она сразу по моём отъезде договорилась с их кровожадными обитателями, что будет отдавать им свой обед, потому что хочет похудеть, и они её тут же полюбили. Так что, вернувшись, я обнаружил гостью сильно похудевшей. И тут же возобновил поиски азиатских садовников. Но всё мы как-то с ними, с азиатскими садовниками, не совпадали. То они заняты, то я не готов их видеть.

В общем, через два месяца гостя уехала в родную Калугу, так и не увидев красивого сада. За это время в доме перебивало ещё много гостей (дней без гостей у нас, как пасмурных дней на Кипре, – штук двадцать в году).

И вот тут-то мы совпали по фазе с неким бангладешцем. Я ведь почему ещё их, этих кипрских «узбеков», люблю – они работают очень быстро. Ну, столько работы за пять евро в час переделают, что я и за неделю за все деньги мира не сделаю. Бангладешца звали неблагозвучным для английского уха именем Девил. Потом-то он мне признался, что его зовут совсем по-другому, но сейчас я склонен думать, что только такого имени он и заслуживает. Я показал ему фронт работ, а сам отправился на второй этаж разъяснять свои пожелания мастерам по поливу, которые тоже случились, на беду, в этот же день. И вот я объясняюсь с киприотами на смешанном языке из английского, греческого, бровей, рук и ног, и тут поднимается к нам Девил. Поднимается и спрашивает: – Масса! А хотите, я и деревья заодно обрежу? Я поначалу удивлялся такому обращению вместо привычного мне и одному знакомому пролетарию титула «сэр», но, вспомнив романы про быт английских колонизаторов в Африке, с удовлетворением согласился на такую кличку.

– Конечно, Девил, делай, как знаешь, – пробормотал я и вернулся к демонстрации своих инженерных навыков несмышлёным ирригаторам. Потом поднялся на третий этаж, чтобы оценить фронт работ в верхнем саду (у нас сады на каждом этаже).

Спустился вниз – и тут мне ударило в глаза небывало яркое солнце. Я очень удивился: ведь оно давно уже забыло дорогу к нашему дому. Не сразу понял, в чём дело, а поняв,

упал и, не пытаясь подняться, просто скрёб землю обгрызенными ногтями, пытаясь закопаться поглубже, чтобы не видеть...

Этот чёртов дьявол из Бангладеш, оказывается, остриг все мои деревья до состояния палочек с пупырышками.

Я дополз таки, шепча слабым голосом слова невесть откуда взявшейся в голове молитвы, на верхний этаж, до жёнушки, и молвил ей, как старик из сказки:

– Теперь твоя душенька довольна?

Она вышла на балкон, окинула взглядом окрестности и удовлетворённо заметила:

– Вот теперь неплохо, но можно и ещё...

В слезах я скатился обратно вниз. А тут ещё на беду не вовремя вышедший из запоя мой друг Мичурин случился. Подходит такой уважаемой походкой кандидата сельхознаук, по-гурмански отхлёбывая из своей бутылочки, но вдруг останавливается и роняет бутылку из правой руки:

– Это... что?.. Это... кто?!..

Чуя недоброе, я кинулся к нему – вязать руки. Он вообще похлипче меня, и я с ним справился, но он стал плевать, стараясь попасть в юного бангладешца. Порой ему это удавалось, и тогда Мичурин истерически оглашал какие-то свои не очень приличные планы насчёт всех живых и умерших родственников несчастного азиата. Вся эта речь не поддавалась адекватному переводу на любой из существующих языков, поэтому, чтобы не портить рассказ, я отправил его до-

мой.

– Что-нибудь ещё, масса? – оживился после ухода Мичурина сатана в человеческом обличье.

– Иди наверх и вырви там всю травку, – чтобы избавиться от него, пробормотал я. – Только деревья не трогай!!!

Но он до отхода наверх ещё успел спросить, не муслим ли я. Я удивился его проницательности и поинтересовался, как он это понял. Не из того ли, что Аллах запрещает убивать слабоумных, а я, наступая себе на горло, следуя этой заповеди? Нет, говорит, я услышал, как вы свою дочку зовёте – Амина. Хорошо, говорю, но имей в виду, что мне как твой, так и остальные боги, все по барабану (что означает последнее словосочетание, мне неизвестно, но – красиво).

От всего пережитого, увиденного и услышанного я сел в машину и отъехал в магазин. Там, будучи убеждённым противником пьянства, купил только пива, десять бутылок. Вернулся, загружая приобретённое в уличный холодильник, и – тут как тут мой новоявленный садовод:

– Масса, а вы дадите мне одну бутылочку, когда я закончу работу?

– Бутылочкой бы тебе дать, – пробормотал я по-русски угрюмо, но по-английски просто согласился.

Запасшись парой-тройкой пива в качестве противоядия, я поплёлся вслед за бангладешским резником на третий этаж. Там сразу нашёл себе дело, чтобы он у меня был под приглядом, – жена уже года два вспоминает, что я хотел со-

брать купленный четыре года назад шатёр.

И вот идиллическая картина: я пытаюсь совладать с шатром, инструкция по сборке которого давно истлела от времени и дождей, Девил уничтожает всё живое вплоть до мантии Земли. Тут поднимается к нам моя жёнушка, несёт сэндвичи, – дескать, перекусите, работнички дорогие.

Мы, забыв свои дела, тут же кинулись на зов. Я вгрызся в предназначенное мне, Девил тоже было с удовольствием схватил сэндвич, но, разглядев этикетку, тут же отбросил. Оказывается, там свинина была. Я ему простодушно предложил помочь – съесть всю колбасу из его бутерброда, на что он ещё возмущённое замахал руками, дескать, если там свинина, то весь бутерброд обесцещен. И доходчиво объяснил мне, что если свинина даже просто лежала рядом с тем, что ты собираешься употребить, то это всё уже тоже можно выбрасывать на помойку.

– Харам! – торжественно молвил устроитель садового геноцида. (А харам в переводе с древнеармянского на древнегреческий – это грех).

– Харам?! – задыхаясь от возмущения, переспросил его я. – А пить пиво, которого мне и самому мало, – не харам?!

– Харам, – согласился юный злодей, – но оно мне очень для здоровья полезно.

Услышав такое, я не стал спорить, а поспешил за своей баночкой. Выкушав её, отметил, что здоровье моё, действительно, поправилось. Ровно настолько, чтобы не промоты-

жить благочестивого собеседника в мелкий бефстроганов, а ограничиться крупными шашлычными формами. Но кетмень Девил предусмотрительно не выпускал из рук, а своим ржавым секатором я мог разве только попортить его одежду.

Мичурин

В пятницу звонит мой Мичурин, весь такой официальный и неприступный, и сухо говорит, чтобы в ближайшую неделю я его не беспокоил. Мичурин – это такой наш местный Тимирязев, совершенно обезумевший на почве садоводства. Меня мои друзья несколько лет назад с ним познакомили, полагая, что мы с ним очень будем друг друга дополнять, и теперь я не устаю о нём писать.

И вот звонит Мичурин и говорит, что все ему надоели и он уезжает на неделю. Я по простодушию не понял всей торжественности момента и спросил, а куда, собственно, ты собрался, когда у тебя кошек полон дом, и двор, и близлежащие улицы до самого моря. А он мне отвечает трагическим голосом, что, мол, неважно и вообще это не твоего ума дело.

– Ну, ладно, – зевнул я, – вернёшься – звони.

А через два дня вдруг снова звонок от Мичурина:

– Ты чего делаешь?

– Жду, когда через неделю ты вернёшься.

– Давай съездим в Лидл?

Лидл – это у нас с ним тут магазин есть один любимый немецкий.

– Давай, – не удивляясь его раннему возвращению, говорю я.

И мы поехали. Дорогой Мичурин мне рассказал, что

в пятницу машина сбила Гучика, его самого любимого кота. И как он с фонариком искал Гучика повсюду, ещё не зная о свершившейся трагедии. И нашёл в пятидесяти метрах от дома мёртвого, на обочине. Или Гучик сам отполз от дороги, умирая, или его сбившие отнесли в надежде, что кот ещё поправится.

Мы уже подъехали к магазину, а Мичурин всё ещё не закончил рассказа:

– Я его по квартире всегда с фонариком искал. Он, наверное, привык к этому свету и не испугался света фар.

Я нашёл место на паркинге в тенёчке и выключил двигатель. Я не перебивал кошколюба, и он не ждал моих комментариев. Только один раз он обратился ко мне с вопросом:

– Хочешь, я тебе одну притчу расскажу?

Я хотел, и он рассказал. Я, вообще, плохой пересказчик анекдотов и притчей, но попробую поделиться.

Один человек очень любил свою собаку. И она его тоже очень. Когда человек этот умер, его похоронили, и собака пришла на его могилу и лежала на ней, пока тоже не издохла от голода и горя.

И вот они оба попадают на небеса, а там сразу двери перед ними с названием «Рай». То есть, это, видимо, неплохой был человек, если ему сразу райские врата предъявляют. Обрадовались они и ринулись в эти двери. Но там привратник стоит и ладошкой их останавливает:

– С собаками нельзя!

Пригорюнился недавно усопший и спрашивает:

– А куда можно с собаками?

Привратник махнул рукой на другие двери, без вывески. Пригорюнились друзья, и пошли туда. А там тоже привратник сидит. Наш законопослушный человек на всякий случай спросил, можно ли сюда с собаками. Да, можно, оказывается.

– А здесь у вас ад? – упавшим голосом спросил бывший собаковод.

– Нет, здесь у нас рай, – сидя на скамеечке, ответил ему привратник.

– Да как же, рай у вас вон там!

– Нет, не смотрите на вывеску, там у нас как раз ад.

Мичурин с трудом дорассказал притчу и залился неутешными слезами. Я тоже не мог сдержатъ эмоций, хотя, казалось бы, почему? Притча, конечно, хороша, но ни кот мичуринский мне родным не был, ни балаболка Мичурин не должен бы был меня так растрогать. А может быть, меня тронуло то, что душа его, избитая и испитая, так и осталась доброй по-детски?

Мы ещё посидели немного в машине на лидловском паркинге и уехали. Чего мы в этом Лидле не видали?

А сегодня мы с Мичуриным в дым разругались.

Дело в том, что Мичурин очень любит разные эксперименты с растениями, и здесь я ему даю полную волю. Потому

что я добрый и демократичный. Он тоже не злой, этот Мичурин, как его прозвали в православном Кипре, хотя в миру он совсем даже Олег Валеев. Правда, не демократичный, в отличие от меня. И он всё время пытается насадить автократию в моих владениях. А мне это в тягость, поэтому я решил выделить ему для его фантазий отдельное поле.

У меня тут за забором поля расстилаются, не знаю чьи. Ну, я их и начал потихоньку осваивать. Ненавязчиво и даже с застенчивой улыбкой. Вначале парочку хиленьких деревцев воткнул, потом небольшой огородик, совсем несерьёзный, к деревьям присовокупил. Киприоты не то, чтобы возмущались – недоумевали, как это у меня сад-огород на чужой земле плодит. Я тоже удивлялся их наивности, а потом плюнул. Засадил ближайший к моему забору гектар и стал точить свою мотыгу для дальнейшего. И одно поле, особенно полюбившееся Мичурину, подарил ему широким царственным жестом. Ну, не то чтобы подарил – разрешил ему сажать там всё, что он захочет. Мичурин был безумно рад, и я не стал ему говорить, что это поле он мог бы не брать у меня в пользование, а сам бы мог его захватить.

Воодушевившийся Мичурин сказал, что он там зимний огород для начала сделает – дело-то ведь к зиме. Он там посадит исключительно зимние культуры – редечку, редисочку, капусточку – он недавно из Греции потрясающие семена привёз – ну и прочий там укроп, лучок, петрушку. А в лето уж только тыквы, дыни и арбузы. Я не возражал. Конечно,

конечно...

И вот вчера он сделал первую посадку. Пьяный от счастья, вина и пива, он заставлял меня смотреть, какие красивые рядочки салата, сельдерея и петрушки у него получились. Он дотемна их сажал, поэтому я не только петрушку с сельдереем не мог увидеть уже, но и самого Мичурина только на ощупь.

И вот сегодня утром. Я вообще рано встаю, но мой птичник ещё раньше. И они, не дожидаясь папы, перелетают через забор и бродят по близлежащим гектарам. Благо, забор курятника это последний забор на их пути – гипертрофированно развитая совесть не позволяет мне на чужих территориях своими заборами злоупотреблять. Уж очень я совестливый человек. Поэтому мои индюки и утки идут далеко и кушают всё, что попадает на их пути. Не потому, что я совестливый, а потому, что забора нет. Причём, они предпочитают подальше от уже оккупированных нами территорий отойти, справедливо полагая, что у себя дома они и потом всё поесть успеют, а вот чужая пшеница много слаще. И вот попался им дорогой мичуринский участок. Дорогой попался, в смысле, что мимо шли.

А Мичурин сегодня собирался чесночок высаживать. И главное, я уже ничего исправить не успеваю. Грядки мичуринские пустые, как жизнь не любящего книги человека, и я лихорадочно придумываю, что ему рассказать – про тайфун, неожиданно обрушившийся на наше поле, или про вообще

тщетную жизнь.

Пришедший весёлый Мичурин быстро потерял свою весёлость. И сказал обо мне нехорошо, что было несправедливо – ведь это же не я его посадки повыклевал! Потом в течение дня он, расчищая почву для новых грядок, ещё несколько раз сказал обо мне нехорошо. К вечеру он стал просто невыносим. Я человек добрый, за что и страдаю всю жизнь. А добрые люди, они такие – их злить нельзя. Все это знают и избегают того, чтобы меня злить. Но Мичурин был очень расстроен и рубежа не заметил. Рубеж был взят, и я громким голосом предложил Мичурину пойти по известному адресу, если он не хочет, чтобы я располовинил его бестолковушку его же мотыгой. Обиженный Мичурин стал собирать весь садовый инвентарь, что он натаскал ко мне за несколько лет. А я вернулся к компьютеру.

Сидя за компьютером, я слышал, как выносит к воротам свое многочисленное имущество мой сумасшедший агроном, но не пытался ему помочь. Потом всё стихло, и я подумал даже, что он ушёл домой пешком. Но ещё чуть погодя я увидел, как он снова поднимается на второй этаж сажать замоченный вчера в гумате чеснок. Я отходчивый и вышел к нему. Он сказал, что чеснок не виноват и до завтра он сгниёт, намоченный. Я ответил, что крупный сорт надо сажать в одну грядку, а мелкий – в другую, чтобы потом не перепутать. Он не спорил.

Потом мы спустились вниз промочить горло, хотя и навер-

ху оно у нас не просыхало. Мичурин захотел почитать мне свои стихи. Он их пишет блокнотами, тетрадями, километрами. Я ему много раз говорил, что стихов не люблю, но он мне всё равно их читает.

А ещё он очень любит мультфильмы. Самые примитивные, самые детские, и я их скачиваю для него из интернета. Приготовил как-то для него целую коллекцию мультиков про Тома и Джерри, которые я сам с удовольствием смотрю, особенно ранние. Потому что они гениальные, по моему. Гениально нарисованы – мимика, пластика, юмор. Но Мичурин категорически потребовал удалить эту гадость с его жёсткого диска! Оказывается, он терпеть не может этих мультфильмов из-за того, что там Тома всё время обижают.

И вот сейчас обиженный за Тома и за себя Мичурин предложил мне свои стихи, а я согласился. В этот раз мне стихи его показались. Отчасти, наверное, потому, что я ни за что, ни про что его обидел. Отчасти потому, что читал он по своему блокноту в очках с толстыми линзами и при этом ещё с лупой. Потому, что он – слепой вообще-то, мой Мичурин. В этом он достиг таких же высот, как в алкоголизме. Или даже в агрономии.

Фикус

Нет, я его сегодня всё-таки убью.

Изо дня в день откладываю этот момент, но знаю, что всё равно придётся. И Мичурин говорит: будь же ты мужчиной! Я уже в стволе и дырочки просверлил длинным сверлом, чтобы до самой сердцевины. Осталось только яд залить, но я каждый день откладываю.

Этот фикус я посадил пять лет назад совсем тоненьким хиленьким прутиком. Чтобы его ветром не поломало, к нему была привязана тростиночка бамбука. И я мечтал о том, как я его буду поливать, как он у меня разрастётся и крону его я буду обрезать точно по периметру веранды, чтобы нещадное солнце пяди моего тучного тела не увидело, выпивающего на свежем воздухе в шезлонге.

Но сначала строители дома забетонировали всю веранду целиком, хотя накануне я им сказал, чтобы они оставили ямку для дерева. Они покивали, дескать, да, да, как вам будет угодно, сэр. Но забыли, конечно. Увидев результат, я приказал брать отбойный молоток и сделать то, что их просили. Они сначала в отказку, мол, невозможно это и вообще нельзя, и жёнушка моя была с ними солидарна. Но я был непреклонен. И они бедняги полдня потом ломали тридцатисантиметровую толщу бетона. Веранда хоть и на втором этаже, но под ней земля, ибо избушка наша к горе приделана.

Жена была против, чтобы я сажал тут плодое дерево, чтобы не убирать бесконечную грязь от упавших перезревших фруктов. Да я и сам хотел, чтобы здесь росло что-то вечнозелёное. А главное быстрорастущее, чтобы успеть дождаться времени подрезки лишней кроны. Поэтому цитрусовые тоже пришлось исключить, и остался только фикус.

В прошлом году крона моего фикуса совсем уж было покрывала всю веранду, но приехала моя чересчур самостоятельная тещенька, а мы с женой на беду куда-то уехали. И в чёрный час звонит жене её подруга и говорит, чтобы она меня подготовила, а то со мной удар случится по приезде, ибо деятельная не в меру тещенька мой фикус пообпилила до формы корабельной мачты. Чтобы дерево солнце не загораживало, а то зимой холодно. Тёща как раз зимой у нас была и почему-то не подумала, что зима у нас два месяца, а остальное – лето. А может, и подумала, но чего не сделаешь, чтобы любимому зятю приятное сделать, потому что и зимой-то у нас лучше от солнца под фикусом прятаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.